

¹¹ Абрамов В.Ф. Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 49.

¹² Азаматов Г.Б. Деятельность Уфимского земства в области народного образования (1874–1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Касимова А.Р. Городская культура Южного Урала на рубеже XIX–XX вв. Челябинск, 2002. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 68.

М.Н. Тайболина
(Курган)

ПОЛИТИКА ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И КРЕСТЬЯНЕ В КОНЦЕ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАУРАЛЬЯ)

В конце 1920-х гг., особенно с 1928 г., Советское государство против своих «врагов», — зажиточных крестьян, — начинает новый этап борьбы по различным направлениям. Признаки, по которым крестьян лишали избирательных прав в 1926–1929 гг., совпадали с признаками, названными в постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде»¹.

Лишенцы к тому времени не могли избирать и быть избранными в руководящие гос- и парторганы, общественные организации, не могли получать среднее специальное и высшее образование, медпомощь, их детей выгоняли из школы². Как граждане, которые не подлежали призыву в Красную армию по социальному признаку, лишенцы по «Закону об обязательной военной службе» зачислялись в тыловое ополчение. Одновременно с этой службой они должны были платить военный налог, введенный постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1925 г., за весь период пребывания в ополчении, то есть с 21 года до 40 лет. Размер налога зависел от социального положения и доходов плательщика. В районах, в которых были расположены территориальные войска, помимо денежного налога, тылополченцы в первую очередь должны были предоставлять лошадей для обслуживания сборов³.

В 1927 г. лишенцев стали исключать из кооперативов; в условиях товарного гоним им приходилось нелегко. Крестьяне-лишенцы не могли участвовать в работе сходов по принятому ВЦИК и СНК РСФСР 14 марта 1927 г. «Положению об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях»⁴. 15 декабря 1928 г. ЦИК СССР утвердил «Общие начала землепользования и землеустройства». Этот закон содержал следующие ограничения для лишенцев: решающий голос имели только те члены земельного общества, которые не были лишены избирательных прав, не имеющие прав избирать советы могли получить землю в последнюю очередь⁵.

Нельзя сказать, что меры против потенциальных лишенцев тщательно проводились в жизнь всегда и везде. Дело не столько в том, что советские работники стремились спасти кого-то от этой дискриминации, сколько в известной неисполнительности этих работников. Следующие факты подтверждают это.

РВС СССР 16 июля 1928 г. принял секретную директиву об изъятии из армии «классово-чуждых элементов», в числе которых — «явно кулацкие, родители которых лишены избирательных прав»⁶. Однако данная директива была исполнена не везде.

Орграспредотдел Политуправления РККА в ноябре 1928 г. в ответ на запрос налогового управления Наркомфина РСФСР, можно ли предоставлять льготы «крестьянским зажиточным хозяйствам эксплуататорского типа (подлежащих обложению не на общих основаниях с прочими крестьянскими хозяйствами, а в индивидуальном порядке)», когда члены их семей проходят действительную военную службу в Красной армии, констатировал, что нахождение в РККА членов хозяйств указанного типа «безусловно неправильное», их надо удалить из армии. По отношению к таким военнослужащим надо немедленно ставить вопрос о лишении их избирательных прав и о переводе в тыловое ополчение. Далее Политуправление РККА просит Наркомфин, чтобы его местные органы без промедления сообщали об этих военнослужащих командованию соответствующей части, учреждения или заведения РККА⁷.

В январе 1929 г. в секретном обзоре Военной прокуратуры Верховного суда СССР отмечалось, что в очередной призыв в армию попали «классово-чуждые элементы»; адмотделы исполкомов, составляя списки лишенцев, сработали «во многих местах» недостаточно удовлетворительно. Стоит особо отметить, что в этом документе говорилось о необходимости привлекать к уголовной ответственности тех лиц, которые скрывают «своё прошлое, свою социальную физиономию» для проникновения в РККА⁸.

Крестьяне, лишённые избирательных прав как эксплуататоры могли быть восстановлены в избирательных правах, если они в течение не менее пяти лет занимались производительным и общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность советской власти по постановлениям областной избирательной комиссии с утверждения соответствующего исполнительного комитета. Ходатайства с приложением необходимых документов должны были подаваться в местный совет, который со своим заключением направлял их в соответствующую избирательную комиссию⁹. Такие попытки добиться восстановления в правах редко завершались успехом.

Очевидно то, что лишенцы были недовольны властью. По стекающей в ЦК ВКП(б) информации зажиточные крестьяне выступали против деления крестьян «на кулаков, середняков и бедноту», за представительство в советах различных слоёв крестьян, за то, чтобы «кулаков» не лишали избирательных прав, чтобы не допускали в советы бедноту¹⁰. «Кулаку» Троицкого округа в марте 1928 г. возмущался: «... мы, зажиточные и середняки, и вообще лишённые права голоса, не должны платить [налоги — *М.Т.*] и помогать государству»¹¹.

Были случаи, когда зажиточные крестьяне-лишенцы старались задобрить бедняков, батраков, склонить их на свою сторону. Так, в январе 1929 г. «кулаки» из Троицкого округа на 100 % повысили зарплату батракам и агитировали: «Голосуйте за тех, кого мы уважаем»¹².

Порою крестьянин ставил неудобные для власти вопросы. П.М. Демидов из села Утятского Утятского района Курганского округа вопрошал: «Почему же за эксплуатацию труда не были лишены [избирательных прав — *М.Т.*] служащие как РИКа, так и остальных учреждений? Они почти все имеют кухарок или нянек, да ещё по два человека: няньку и стряпку». Сравнивая село с городом, Демидов удивлялся, что в городе Кургане «тоже эксплуатируют трудом. Имеют стряпок, нянек и кучеров. Но почему-то голосу не лишены»¹³.

Нередко поражённые в правах крестьяне злобно относились к тем работникам советского аппарата, которые непосредственно участвовали в реализации политики лишения избирательных прав. Часть лишенцев за эту кару жестоко мстила. Так, 1 января 1927 г. в пос. Болотовский Миасского района двое «кулаков» организовали «кулаков и зажиточных» с целью убийства председателя сельсовета, кандидата коммунистической партии. Они вместе с другими подпоеными крестьянами пришли в сельсовет и нецензурно ругали советскую власть, а, провожая председателя сельсовета домой, «дважды пытались его душить, заявляя: "Мы с тобой сейчас расправимся за то, что ты не дал нам скидки и лишил права голоса"». Эти же «кулаки» подпоили крестьянина-бедняка, который «нанёс ножевую рану в голову секретаря [сельского]/совета, заявив: "Зачем лишил права голоса зажиточных, плохо тому будет, кто на этом настоял"»¹⁴.

Что могло помочь избежать лишения избирательных прав? Прежде всего это членство в коммунистической партии. Уралобком ВКП(б) в декабре 1926 г. постановил, что нельзя механически лишать избирательных прав коммунистов, принадлежавших в дореволюционное время к той социальной группе, которая по законодательству 1920-х гг. должна быть лишена избирательных прав¹⁵. Коммунисты были более социально защищены, чем люди без партбилета. В январе 1929 г. заведующий информотделом ЦК ВКП(б) Богомолов сетовал, что коммунисты с зажиточными хозяйствами, ставят сельские избиркомы в тупик. Он спрашивал, надо ли лишать избирательных прав коммунистов: «... по мощности хозяйства подходят под лишение, а в инструкции нет таких пунктов, чтобы лишать голоса коммунистов»¹⁶.

Таким образом, политика лишения избирательных прав явилась дискриминацией крестьянства, прежде всего зажиточного, на протяжении всех 1920-х гг., и эта политика содержала элементы репрессий в конце названного десятилетия, хотя государство не посягало на личную свободу лишённых избирательных прав. Лишенцы были ограничены в своих действиях в различных сферах общественной жизни: экономической, социально-политической, культурной; кроме того, им было нелегко психологически, их считали врагами новой власти. При этом социальный статус крестьян-лишенцев видимо ухудшался. Изменить его в лучшую сторону на закате нэпа было почти невозможно.

Примечания

¹ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивняцкого. М., 1989. С. 221–222.

² Славко Т.И. Введение // Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / Сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Мазур и др.; Отв. ред. Т.И. Славко. Екатеринбург, 1996. С. 6, 7.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виольи. В 5-и тт. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М., 1999. С. 797.

⁴ Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 271, 227.

⁵ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935 / Отв. ред. П.Н. Шарова. М., 1957. С. 97, 106.

⁶ Трагедия советской деревни... С. 800.

⁷ Там же. С. 462–463.

⁸ Там же. С. 518, 524–525.

⁹ Статистическое управление РСФСР. 1926. Отд. 1. №75. 26 нояб. Ст. 577. С. 891–892.

¹⁰ Трагедия советской деревни... С. 573, 576.

¹¹ Там же. С. 584.

¹² Там же. С. 589.

¹³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 111. Л. 168 об.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 82–83.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 46. Л. 86–86 об.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 354. Л. 1, 4, 17.

*В.С. Терехов
(Екатеринбург)*

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ УРАЛА В 1930-е гг.

Избранная во второй половине 1920-х гг. капиталоемкая модель модернизации экономики требовала увеличения объема инвестиций в тяжелую промышленность. Недостаток капиталовложений компенсировался ростом денежной эмиссии, что привело к увеличению инфляции, дисбалансу ценообразования и, как следствие, снижению уровня жизни населения. Социальная сфера в этом процессе оказалась самой уязвимой. Ликвидировать образовавшийся бюджетный дефицит было невозможно не только экономическими, но и административными мерами. Этот процесс не могли сдержать ни варварское выкачивание средств из деревни, ни применение почти бесплатного труда спецпереселенцев, ни соответствующая тарифная политика на производстве. Возникшая инфляция становится атрибутом последующего развития экономики. Ее уровень после денежной реформы 1924 г. оставался относительно стабильным вплоть до 1928 г., но уже к 1930 г. цены начинают расти, причем со значительными флуктуациями. Это особенно характерно для цен на продовольствие.

В 1930-е гг. Урал становится одним из ведущих центров индустриализации, в силу чего общеэкономические процессы находили здесь более яркие выражения. Первая треть 1930-х гг. на Урале проходит под знаком роста численности городского населения. В период с 1926 по 1933 гг. численность Свердловска увеличилась с 140,3 тыс. до 400,8 тыс., Перми — с 117,9 тыс. до 211,5 тыс., Кизела — с 14 тыс. до 40 тыс., Нижнего Тагила — с 38,8 тыс. до 126 тыс.¹ Стремительно растущие рабочие поселки и города требовали увеличения поставок продовольствия, что привело к ужесточению аграрной политики.

Продуктов питания катастрофически не хватало, несмотря на жесткое их распределение. При этом система централизованного распределения часто давала сбои. Особенно страдали такие удаленные от Свердловска индустриальные центры, как Надеждинск, Березники, Магнитогорск, Златоуст. Помимо небольшой сети магазинов в городах широкое распространение получили закрытые распределители, дифференцированные по социально-производственным группам населения. Прикрепленные к распределителям работники разделялись на категории, соответствующие различным нормам выдачи продуктов — так называемым «спискам». Технические специалисты снабжались по второму списку, причем специалисты индустриальных центров союзного значения относились к первому списку. По результатам обследования ряда предприятий специальной комиссией Уралобкома в 1931 г. многие инженерно-технические работники «прикреплялись» к распределителям по третьему списку, что являлось номенклатурным нарушением². Цены в распределителях могут